

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

Андрей Венков

КАЗАЧЕСТВО В СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЕ

**РАТНАЯ СЛАВА
РОССИИ**

Русская история (Вече)

Андрей Венков

Казачество в Семилетней войне

«ВЕЧЕ»

2019

Венков А. В.

Казачество в Семилетней войне / А. В. Венков — «ВЕЧЕ»,
2019 — (Русская история (Вече))

ISBN 978-5-4484-8009-6

Русские получили опыт войн в Европе уже после смерти Петра Великого. Но это были, выражаясь современным языком, «локальные конфликты». В январе 1756 года Пруссия, ожидавшая активных действий со стороны Австрии, заключила союз с Англией, чем обеспечила себе крупные денежные субсидии. В ответ была создана коалиция России, Австрии и Франции. Инициатором выступила Россия. Специально организованная при российском дворе Конференция 15 марта разработала план действий по ослаблению Пруссии с помощью Австрии. Это было начало Семилетней войны, и она стала для казаков первым опытом борьбы с такими воинами, как немцы.

ISBN 978-5-4484-8009-6

© Венков А. В., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

Семилетняя война	6
Российская армия и казаки	8
Армия Фридриха Великого	15
Подготовка к походу. Выступление. Концентрация у границы	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Андрей Венков

Казачество в Семилетней войне

© Венков А.В., 2019

© ООО «Издательство «Вече», 2019

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Сайт издательства www.veche.ru

Семилетняя война

Вряд ли казаки собирались воевать с немцами или ждали от них нападения. В XVII – первой половине XVIII века круг традиционных врагов казачества определился. Чаще всего они воевали с турками, татарами и ногайцами, случалось подраться с черкесами. Вместе с турками побывали под стенами Азова трансильванцы, албанцы и другие народы из европейских, азиатских и африканских владений Порты. И с ними пришлось обмениваться ударами. Запорожцы и украинские реестровые постоянно дрались с поляками. Войны Петра I наделили казаков опытом войны с персами, народами Дагестана и, естественно, шведами и финнами. Поскольку немецкие наемники служили в войсках Речи Посполитой, то кое-какой опыт боев с ними был. Но полномасштабной войны с какой-либо из германских стран казаки не помнили. Так что Семилетняя война стала для них первым опытом упорной многолетней борьбы с такими воинами, как немцы.

Причины начала Семилетней войны рассматривались учеными весьма тщательно и подробно, и, на наш взгляд, нет необходимости снова обращаться к ним. В Старом Свете довольно прочно утвердилась система европейского равновесия, и мощные европейские державы ревниво ее поддерживали. В свое время набиравшая силу Франция повоевала с Англией, с Испанией, с Голландией и со Священной Римской империей, которую по имени господствующего в ней народа называли Австрией. Смены династий грозили разрушить сложившееся равновесие. Поэтому в начале XVIII века Европу опять сотрясли войны за Испанское наследство и за Австрийское наследство. Под шумок на мировую арену в это время вышли набравшая силу Россия и набиравшая силу Пруссия, раньше называвшаяся курфюршеством Бранденбургским. Россия выиграла Северную войну, пробилась к Балтийскому морю (и даже перенесла к его берегам столицу) и теперь с завидным упорством завоевывала выход к южным морям. Пруссия, пользуясь ослаблением Священной Римской империи, выиграла две Силезские войны и отобрала у «цезарев» Силезию.

Рост прусского могущества нарушал сложившуюся систему европейского равновесия. Франция была обеспокоена сближением Пруссии с Англией. Севшая на австрийский трон императрица и королева Мария-Терезия мечтала вернуть Силезию. Российские власти, видя усиление и агрессивность Пруссии, боялись, что прусский король вслед за Силезией займется польскими делами, а ослабевшая Польша уже десятки лет была зоной российских интересов.

22 мая 1746 года был заключен оборонительный союз между Россией и Римской империей, согласно которому, в случае нападения кого-либо на Австрию, Россия (если Австрия о том попросит), должна была выставить в течение трех месяцев на помощь союзнику 20 тысяч пехоты и 10 тысяч конницы.

Русские (и в том числе казаки) имели опыт войн в Европе уже после смерти Петра Великого. В 1734 году 1000 казаков принимали участие в осаде Данцига. В 1735-м русский вспомогательный корпус ходил на реку Рейн, а в 1741 году, прибыв в Финляндию, казаки и калмыки «пожгли множество деревень»¹. В 1748 году русский «ауксилиарный корпус» был послан императрицей Елизаветой Петровной в Германию, и лишь начавшиеся мирные переговоры не дали тогда России возможности поучаствовать в войне.

Но это были, выражаясь современным языком, локальные конфликты. И военному искусству русские военачальники продолжали учиться на поле боя. Как вспоминал будущий фельдмаршал А.А. Прозоровский, «сия война многих офицеров с примечанием и усердием служивших формировала в военном знании, в числе которых и о себе сказать могу, что в продолжении

---

¹ Масловский Д.Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. Вып. 1. Поход Апраксина в Восточную Пруссию (1756–1757). Приложения. М.: Типография окружного штаба, 1886. С. 194.

оной почерпнул я хорошее понятие о военном искусстве... Равным образом бытность моя в корпусе графа Чернышева доставляла мне много сведения, где обще с князем Репниным и бароном Ельмтом, находившимся в том же корпусе бригадиром, езжали для примечания неприятельских расположений и движений, и во всех сих случаях делали свое сорассуждение об оных. Не меньше имел я попечения примечать и распоряжения графа Тотлебена. Соединение российской армии с цесарской подало изрядное средство примечать ее движения и сравнивать оные. Но всего более получил я пользы тогда, когда армия наша, соединясь с прусскою, была под предводительством великого в наш век в военном искусстве капитана ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА короля прусского. Словом, сия война несколько лет изобиловала такими происшествиями, из которых можно было извлечь самые полезные заключения и правила. В сем случае ни одни хорошо исполненные военные обращения учут, но и самые проступки не меньше того подают наставления»².

В январе 1756 года Пруссия, ожидавшая активных действий со стороны Австрии, заключила союз с Англией, чем обеспечила себе крупные денежные субсидии. В ответ была создана коалиция России, Австрии и Франции. Австрия и Франция, ранее постоянно боровшиеся друг с другом, к удивлению всей Европы, стали союзниками. К ним присоединились Швеция и Саксония. Инициатором выступила Россия. Специально созданная при российском дворе Конференция 15 марта разработала план действий по ослаблению Пруссии с помощью Австрии и продумала ряд мер по «приласканию Франции»³. Что касается Польши, через чью территорию надо было идти, чтобы сразиться с Пруссией, то ей решили пообещать, что Ее Величество императрица Елизавета Петровна, «ежели удастся королевскую Пруссию завоевать и покорить, то всю оную по-прежнему возвратит и отдаст Польше». Однако между собой члены Конференции предполагали, «одолжа Польшу доставлением ей королевской Пруссии, во взаимство получить не токмо Курляндию, но и с польской стороны такое границ окружение, которым бы не токмо нынешние беспрестанные об них хлопоты и беспокойства пресеклись, но может быть и способ достался бы, коммерцию Балтийского моря с Черным соединить и чрез то почти всю левантскую коммерцию в здешних руках иметь»⁴. То есть отдать завоеванные немецкие земли Польше, а у нее забрать Курляндию и потеснить ее восточные границы так, чтоб восстановить старый торговый путь «из варяг в греки».

В Конференцию входили граф Алексей Бестужев-Рюмин (канцлер), граф Михаил Бестужев-Рюмин, князь Никита Трубецкой, Александр Бутурлин (полный генерал, генерал-адъютант, командующий расположенными в Москве и вокруг нее полками), граф Михаил Воронцов (вице-канцлер), князь Михаил Голицын, Степан Апраксин (полный генерал, подполковник в лейб-гвардии), граф Александр Шувалов (полный генерал, командующий расположенными в Петербурге и Финляндии полками), граф Петр Шувалов (полный генерал, командующий расположенными в Лифляндии, Курляндии и Эстляндии полками). 30 марта они представили разработанный план Елизавете Петровне.

Однако чтобы воплотить план в жизнь, нужна была мощная армия.

² Записки генерал-фельдмаршала А.А. Прозоровского. 1756–1776. М., 2004. С. 86.

³ Семилетняя война. Сборник документов. М.: Воениздат, 1948. С. 25.

⁴ Семилетняя война. Сборник документов. М.: Воениздат, 1948. С. 25.

Российская армия и казаки

Российская армия, согласно представленным 18 марта 1756 года данным Военной коллегии, состояла из трех кирасирских полков, 29 драгунских и 46 пехотных, всего в указанных полках было 170 712 человек, вместе с полковой артиллерией – 172 440⁵. Характерными чертами армии некоторые исследователи называют «некомпетентность полководцев, непрофессионализм и лень офицеров, забитость солдат, полное расстройство тыловой и административно-хозяйственной части»⁶.

Существовал рекрутский набор в армию. Страна с 1757 года делилась на 5 «полос», и наборы проводились ежегодно только в одной из полос, т. е. один раз в 5 лет в каждой полосе.

«Пехота была довольно хороша, но маневрировать совсем не учена», – считал участник войны, будущий фельдмаршал А.А. Прозоровский⁷. Основное внимание уделялось стрельбе частями фронта и шеренгами, «понеже все обучение солдата в виду имеет заряжать и стрелять»⁸.

«О коннице же сказать можно, что ее не было», – писал он⁹. Регулярная русская кавалерия, действительно, ничем хорошим не отличалась, а все от жадности. Лошадей в драгунские полки закупали местных. Конные заводы еще не были развиты. Снабжали кавалерию плохо. Фуражные деньги давали только зимой, а летом лошади находились на подножном корме. «... Драгунские (полки), в рассуждении худого их содержания и неучения, почти не употреблялись», – писал Прозоровский¹⁰. Драгуны сами запасали для лошадей сено – косили, копнили, выездкой и учениями в это время, естественно, не занимались. В качестве оружия драгуны имели шпаги, рубить которыми неудобно и практически невозможно, и ружья со штыками¹¹.

Кирасирских полков было мало. Денег на их содержание уходило много. Крупных лошадей для них закупали в Германии. Кирасирская лошадь стоила вдвое дороже драгунской – 60 рублей¹². Вооружили кирасиров карабинами и палашами. Кирасирские полки предназначались для таранного удара, предполагалось «доброе употребление палашей в крепком смыкании и в жестоком ударе через сильную скачку». С 1733 года русская кавалерия руководствовалась уставом, списанным с австрийского, который предполагал трехшереножный строй, как в пехоте, тихие аллюры и стрельбу с лошади¹³. Вооружив кирасир и драгун карабинами и ружьями, от них требовали цельной стрельбы. С 1755 года устав кавалерийской службы изменился, стал походить на прусский, он запрещал стрельбу с лошади и требовал решительно атаковать противника в сомкнутых строях на быстрых аллюрах с палашом в руке. Но, по мнению А.А. Прозоровского, «вновь названные кирасирские полки не имели еще и виду своего. По чему только два старые кирасирские могли называться изрядною, но несовершенною конни-

---

⁵ Семилетняя война. Сборник документов. М.: Воениздат, 1948. С. 32, 35.

⁶ Ненахов Ю.Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. Минск. Харвест, 2002. С. 56.

⁷ Записки генерал-фельдмаршала А.А. Прозоровского... С. 42.

⁸ Кочетков А. Тактика русской армии в середине XVIII века // Военный вестник. 1948. № 21. С. 15.

⁹ Записки генерал-фельдмаршала А.А. Прозоровского... С. 42.

¹⁰ Записки генерал-фельдмаршала А.А. Прозоровского... С. 42.

¹¹ Масловский Д.Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. Вып. 1. Поход Апраксина в Восточную Пруссию (1756–1757). М.: Типография окружного штаба, 1886. С. 30.

¹² Масловский Д.Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. Вып. 1. Поход Апраксина в Восточную Пруссию (1756–1757). М.: Типография окружного штаба, 1886. С. 95.

¹³ Масловский Д.Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. Вып. 1. Поход Апраксина в Восточную Пруссию (1756–1757). М.: Типография окружного штаба, 1886. С. 40.

цею»¹⁴. Драгунские полки состояли из 6 эскадронов, кирасирские и созданные позже конно-гренадерские полки – из 5 эскадронов.

Драгунский полк был больше, чем кирасирский или конногренадерский. В нем насчитывалось 1141 человек и 930 строевых лошадей. В полках тяжелой конницы – 947 человек и 766 строевых лошадей¹⁵.

Впрочем и «конные гранодеры, бывшие в пехотной амунии, с большими сумами и фитильными для гранат трубками, разнствующими от пехоты большими только палашами, были мало способны»¹⁶.

Каждому полку был придан соответствующий обоз с запасом провианта на 20 дней. В обозе везли по тысяче с лишним пудов муки и около ста пудов крупы (на один полк). Полковой провиантский обоз состоял из 40 повозок, каждая запрягалась парой лошадей. Кроме провиантских фур, были еще патронные, аптечные, с походной кузницей¹⁷.

Командный состав русской кавалерии отличался от командного состава в пехоте. Многие русские дворяне, служившие в допетровские времена в дворянском конном ополчении, считали службу в пехоте делом неблагодарным. В пехоте процент офицеров-иностранцев был выше, чем в кавалерии.

Кроме полевых полков в Санкт-Петербурге, Ревеле, Выборге, Нарве, Риге и других приморских городах было 20 гарнизонных полков.

Особо счет велся гусарским полкам. Их было 4 (Сербский, Венгерский, Молдавский, Грузинский), и еще шло формирование двух в Славяносербии – Славяносербского (командир Прерадович) и Новосербского (командир Шевич). Пока же налицо было 3189 гусар и в «новоучреждающемся» – 962¹⁸. Гусары были овеяны своеобразной аурой, но по сути являлись обычными наемниками из схожих по религии земель (Сербии, Молдавии, Грузии) и в мирное время учений практически не проводили. Считалось, что они и так все знают и умеют. Поселенные гусарские полки состояли из владельцев земельных наделов, получавших жалование – 39 рублей в год. К 1759 году количество гусар в этих поселенных полках было доведено до 2132 человек в каждом славяносербском и даже до 4254 – в каждом новосербском¹⁹.

Вопреки сложившемуся ныне мнению, служба в гусарах не казалась престижной русским дворянам. По воспоминаниям А.А. Прозоровского, «гусарские полки в то время не по закону, но по обычаю, ниже армейских почитались. И такой дистанции или уважения к воинам своим, какое армейским оказывается, не имели. Так что ни один российский дворянин в гусарах служить не хотел, почему в оных были все сербы, валахи, венгеры и несколько немцев и украинцев»²⁰. Причиной тому, по мнению А.А. Прозоровского, была разъедающая этот род войск коррупция – «хотя для содержания гусарских полков от короны весьма много денег определено было, и хотя они всегда получали рационы и парционы, а аммуницию, лошадей, оружие по большим ценам. Отпускались также деньги, однако некоторые гусарские полки более 200 человек в строй не поставляли, из толикаго издевания другой пользы не было, кроме, что полковники, штаб-офицеры и ротмистры наживались и потому более пеклись о наполнении своих карманов, нежели о укомплектовании полков, ибо некомплект для пользы их им надобен. А усердность и долг прямой службы оставляли в стороне. При получении же расчетов платили они провиантским правлениям хороший оброк»²¹.

¹⁴ Записки генерал-фельдмаршала А.А. Прозоровского... С. 42.

¹⁵ <http://armflot.ru/index.php/kampanii/646-russkaya-tyazhelaya-kavaleriya-v-nachale-semiletnej-vojny>

¹⁶ Записки генерал-фельдмаршала А.А. Прозоровского... С. 42.

¹⁷ <http://armflot.ru/index.php/kampanii/646-russkaya-tyazhelaya-kavaleriya-v-nachale-semiletnej-vojny>

¹⁸ Семилетняя война. Сборник документов... С. 37.

¹⁹ История конницы. В 2 кн. Кн. 2. Примечания Брикса к «Истории конницы» Денисона. М.: АСТ, 2001. С. 178.

²⁰ Записки генерал-фельдмаршала А.А. Прозоровского... С. 88.

²¹ Записки генерал-фельдмаршала А.А. Прозоровского... С. 87–88.

Артиллерия насчитывала 2639 артиллеристов, обоз – 2804 фуражиров. В полевой артиллерии налицо было 107 медных пушек, 11 медных мортир и 36 медных гаубиц, кроме того, 80 медных мортирцов, в осадной – 149 пушек, 42 мортиры, 249 мортирцов²².

И было в армии самое слабое место – интендантская служба. Как писал К. Валишевский, «самые решительные защитники русской армии, сражавшейся в 1757 году с Фридрихом, признают, что в ее устройстве был один основной недостаток – ее интендантская часть была поставлена из рук вон плохо»²³.

«Нерегулярные войска», т. е. казаки, в 1756 году имели: 5 слободских полков – 5924 казака; Чугуевский казачий полк – 541, Азовский казачий полк – 365 (вместе с калмыками в его составе – 516), Бахмутский казачий полк – 311, Астраханский полк – 541, в Яицком войске – 3572. В Донском войске числилось 15 734 служивых, возглавляли его генерал-майор Данила Ефремов, войсковой атаман Степан Ефремов, бригадир Федор Краснощеков, армейский полковник Андрей Краснощеков²⁴. Жалование в Войске получали на 15 344 человека, но при надобности обещали выставить «вдвое больше»²⁵. Характерно, что во время войны, в 1759 году, 1000 донских казаков вместе с таким же количеством яицких несли службу в Сибири²⁶.

Если сравнить казаков с гусарами, то, по мнению военных исследователей XIX века, «казаки имели за собою неизмеримо большую массу образцовых действий легкой конницы»²⁷.

Лучшим из казачьих полков считался Чугуевский, на треть состоявший из крещеных калмыков. Лучшим он считался потому, что в нем была четкая структура и регулярно проводились занятия. Самое многочисленное на тот период Войско Донское отличалось известной автономией. Донцы получали требование от Военной коллегии на определенное количество всадников, а устраивали, снаряжали казаков и назначали командиров сами. На вооружении они имели ружья, сабли и пики. При каждой сотне имелись калмыки-табунщики, вооруженные луками и стрелами. Полковые командиры назначались из казаков, избранных за заслуги в войсковые старшины. Таковых на начало войны числилось 53²⁸. А вот сотенные командиры избирались ежегодно из рядовых казаков²⁹. И из-за этого русские военные считали слабым местом казаков «недостаток дисциплины... и ненадежность их офицеров в смысле умелого руководства делом»³⁰.

Известный военачальник Мориц Саксонский писал: «Подобные формирования всегда должны быть сильными, а командовать ими должны умелые, опытные воины, потому что на эти подразделения и части возложена одна из самых трудных миссий: самостоятельные действия без конкретной заданной цели... В общем, кавалерийские операции невероятно трудны, поэтому знание местности абсолютно необходимо, а способность быстро оценивать ситуацию, смелость и боевой дух решают все»³¹. И казаки, естественно, предпочитали военачальников из

²² Семилетняя война. Сборник документов... С. 42–43.

²³ Валишевский К. Дочь Петра Великого. М.: Книга, 1990. С. 463.

²⁴ Семилетняя война. Сборник документов... С. 38–39.

²⁵ Масловский Д.Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. Вып. 1. Поход Апраксина в Восточную Пруссию (1756–1757). Приложения. М.: Типография окружного штаба, 1886. С. 175.

²⁶ Масловский Д.Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. Вып. 3. Походы в Пруссию графа П.С. Салтыкова и А.Б. Бутурлина. Берлинская операция графа Захара Чернышева. Осада Кольберга графом П.А. Румянцевым (1759–1762). Комментарии. М.: Типография окружного штаба, 1891. С. 23.

²⁷ Масловский Д.Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. Вып. 1. Поход Апраксина в Восточную Пруссию (1756–1757). М.: Типография окружного штаба, 1886. С. 45.

²⁸ Масловский Д.Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. Вып. 1. Поход Апраксина в Восточную Пруссию (1756–1757). М.: Типография окружного штаба, 1886. С. 48.

²⁹ Масловский Д.Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. Вып. 1. Поход Апраксина в Восточную Пруссию (1756–1757). М.: Типография окружного штаба, 1886. С. 47.

³⁰ Масловский Д.Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. Вып. 1. Поход Апраксина в Восточную Пруссию (1756–1757). М.: Типография окружного штаба, 1886. С. 45.

³¹ Саксонский Мориц. Теория военного искусства. М.: Центрполиграф, 2009. С. 77.

своей среды, людей, выросших в условиях пограничья, и в то же время помнящих не только о неукоснительном выполнении приказа, но и о сохранении живой силы своих подопечных, кто выбрал их, кто доверил им свои жизни.

Сам образ военного вождя (походного атамана) наделялся в сознании казаков, а затем и в фольклоре, чудесными, сверхъестественными свойствами. Он становился как бы живым амулетом, тотемом. В обществах, живущих в условиях или по законам военной демократии, подобные взгляды были особенно живучи. Так, и в середине XVIII века, во время описываемых нами событий, донские казаки считали, что их атаман Краснощеков – колдун, который копьем или стрелой попадает в цель на расстоянии пушечного выстрела³².

Краснощеков действительно был фигурой легендарной. К. Валишевский писал о нем: «И герой русских легенд, Краснощеков, которого английский посланник Финч еще в 1741 году сравнивал с пресловутым “Black Beard the pirate” (пират Черная Борода), тоже не отличался на войне кротостью и сдержанностью в проявлении своих чувств. Он был теперь уже семидесятилетний старик, израненный с головы до ног, огрубевший и дикий; но входило ль в его привычки проламывать череп пленным, “чтобы рука не ослабла”, и в принципы – “уничтожать дичь, избивая детенышей”, т. е. женщин и детей, я не берусь ни утверждать, ни отрицать»³³.

Управление Войском Донским в описываемое время являло собой некую нелогичную надстройку. С 1738 до 1753 года войсковым атаманом числился Данила Ефремов. 11 августа 1753 года Елизавета Петровна пожаловала его «за старостию и долговременную ж службу генерал-майором, на место ж его – сына, старшину Степана Ефремова, Войсковым атаманом, и дабы он, Данила Ефремов, по смерти свою атамана Ефремова и с Войском Донским под главным управлением своим имел»³⁴. Объяснялось в указе, что царица, сделала это, ведая искусство Данилы Ефремова в воинских и пограничных делах, «которому должен он и сына своего, пожалованного от Нас Войсковым атаманом, Степана обучать»³⁵.

Донцы постоянно поставляли воинские команды во все точки необъятной империи. До войны, в 1755 году, в отряде Лопухина состояла донская команда в 4 тысячи, еще одна команда в 400 казаков под командованием атамана Грекова входила в Обсервационный корпус.

На примере этой команды можно рассмотреть систему вооружения казаков. Команда состояла из 368 казаков и 20 калмыков. На вооружении имелось: ружей – 366, сабель – 248, копий – 116, луков – 20, стрел – 600³⁶.

Структуру выставленной на службу 4-тысячной команды можно рассмотреть на примере команды Краснощекова на 6 мая 1756 года. Команда делилась на 8 полков. В состав ее входили «русский бригадир» – 1 (Краснощеков), полковники из старшин – 7 (одним из полков командовал сам Краснощеков), есаулов – 40, хорунжих – 40, рядовых – 3762; калмыков: атаманов – 2, есаулов – 2, сотников – 2, рядовых – 92. Всего 4008 человек, 8222 лошади. Полк делился на 5 сотен по 100 человек вместе с выборными командирами³⁷.

Войско получало ежегодное жалование. В 1721 году оно составляло 17 142 рубля. Примерно по 1 рублю на человека. Сверх того войско получало 230 пудов пороха и 150 пудов свинца, 500 ведер вина и 7000 четвертей хлеба. Для перевоза этого жалования выделялись будары, 12–14 штук, которые навсегда оставались в войске³⁸.

³² Соловьев С.М. История России. Кн. XII. М.: Наука, 1963. С. 474–475.

³³ Валишевский К. Указ. соч. С. 463.

³⁴ Ригельман А.И. История о донских казаках. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1992. С. 158.

³⁵ Ригельман А.И. История о донских казаках. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1992. С. 159.

³⁶ Масловский Д.Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. Вып. 1. Поход Апраксина в Восточную Пруссию (1756–1757). Приложения. М.: Типография окружного штаба, 1886. С. 177.

³⁷ Масловский Д.Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. Вып. 1. Поход Апраксина в Восточную Пруссию (1756–1757). Приложения. М.: Типография окружного штаба, 1886. С. 175.

³⁸ Ригельман А.И. Указ. соч. С. 175–176.

Выступая в поход, согласно указу Сената от 2 августа 1754 года, казаки начинали получать дополнительное жалование. В год полагалось: походным атаманам – 200 рублей, полковым командирам – по 100, есаулам, хорунжим квартирмистрам и полковому писарю – по 18, обозным писарям, рядовым казакам и калмыкам – по 12 рублей. Сверх того, всем им, кроме атамана и полковников, полагался провиант. В зимние месяцы им полагался фураж: походному атаману – на 12 лошадей, полковникам – на 8, старшинам – на 3 и казакам – на 2 лошади³⁹.

Современники считали, что «донские казаки имеют превосходных лошадей, их все ружья отменно оправленные и с богатою насечкою, а сабли их весьма хорошей закалки»⁴⁰. На смотр в 1737 году проверяющие отметили у казаков винтовки, т. е. нарезное оружие: «А ружья казаки окромя винтовок, а калмыки – луков, не имеют, и изредка копья»⁴¹.

Гордт, швед на прусской службе, отмечал, что казаки имеют «лошадей чрезвычайно ходких и не кованных»⁴². Однако для большинства русских офицеров перед войной донские казаки казались «дикими наездниками», которые не знали «ни строя, ни равнения, ни правильности в движениях». И вообще казачья конница считалась «тогда не пригодной для полевого сражения»⁴³ (очевидно, имелся в виду европейский театр военных действий). Описания казаков, составленные современниками, напоминают этнографические, будто современники этих казаков только сейчас увидели: «Они почти все смуглого и румяного лица, волосом черные и черно-русые, острого взгляда, смелы, хитры, остроумны, храбры, горды, самолюбивы, пронырливы и насмешливы. Оружия их: ружья, пистолеты, копья, шашки и сабли. Болезней мало знают, наибольшая часть умирает против неприятеля и от старости. Платье носят почти совсем татарское, парчовое, штофное и суконное, кафтан и полукафтанье или бешмет, и штаны широкие, сапоги и шапки черкесские, опоясываются кушаками. Волосы на голове вокруг подстригают, ходят с бородами, а некоторые, оставляя усы, бреют»⁴⁴. Современники отмечали, что казаки склонны к питью крепких напитков, но пьяниц между ними мало, а в походе «они весьма воздержаны», чем превосходят других военнотружущих⁴⁵.

Опыт прошедших войн показал способность казаков вести разведку, ходить в ночные рейды, участвовать в штурмах полевых укреплений. Так, журнал похода на Крым в 1735 году сообщает, что 4 октября 1735 года «отправлена партия донских казаков пятьдесят человек одвуконь при полковнике их же Сулине для проводывания о неприятельских обращениях, а пачея для взятия языку»⁴⁶.

Штурм Перекопа 20 мая 1736 года показал, что казаки одинаково хорошо штурмуют укрепления и преследуют бегущего противника: «При той же атаке и казаки донские все пеши, купно с армиею нашею, оную крепкую линию штурмовали и удивительно с какой скоростью оные храбрые люди в ров спустились, и через вал лошадей переправя, вскоре за бежащим таким лехким неприятелем вслед погнались, через что наша армия чрез несколько часов покой получила»⁴⁷.

29 мая 1736 года казаки, другие иррегулярные и регулярные войска были посланы в рейд «с повелением ночью с опасностью до неприятельского лагеря итти, а на самом рассвете на оной нападение учинить...» Задание было выполнено. «От нерегулярных нападение в при-

³⁹ Ригельман А.И. Указ. соч. С. 175.

⁴⁰ Масловский Д.Ф. Указ. соч. С. 193.

⁴¹ Журналы Крымских походов российской армии 1735–1738 гг. Сборник документов. Ростов-н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2017. С. 111.

⁴² Ненахов Ю.Ю. Указ. соч. С. 774.

⁴³ Ненахов Ю.Ю. Указ. соч. С. 542.

⁴⁴ Ригельман А.И. Указ. соч. С. 196.

⁴⁵ Ригельман А.И. Указ. соч. С. 196.

⁴⁶ Журналы Крымских походов... С. 53.

⁴⁷ Журналы Крымских походов... С. 63.

стойное время на неприятеля учинено...», а вот во время ночного марша «регулярные далеко назади остались»⁴⁸.

Впрочем, казаки довольно трезво оценивали свои способности. Когда 27 мая на русскую армию была атака турецкой конницы – спаги, «донские казаки были атакованы ж, но спешась, с великим воздержанием ружейным огнем оборонялись. С нашей стороны никакого урону не имелось, а к вечеру неприятель из виду нашего отошел»⁴⁹.

Врукопашную съезжаться с турками и татарами они тоже не боялись. 3 июля 1738 года, согласно журналу боевых действий, к русскому лагерю в Крыму подходили 10 тысяч турецкой и татарской конницы. Навстречу им вышли 6 драгунских и 6 пехотных полков и нерегулярные, т. е. казаки. После стычек турки и татары отошли. «При помянутых с нерегулярными съездах неприятельских тел, кроме по их обыкновению увезенных, на месте осталось шестнадцать, с нашей стороны убито: донских казаков – четыре, малороссийский казак – 1, ранен донской хорунжий один»⁵⁰. Соотношение погибших, как видим, явно не в пользу турок и татар.

Последующая война в Пруссии и Польше позволили казакам усовершенствовать наработанные навыки. Ю. Ненахов кратко определил тактику казаков в войне с пруссаками: «бей и беги»⁵¹.

Слободские казаки к началу войны были разделены на пять полков: Сумский (1300 всадников), Ахтырский (1193), Харьковский (823), Острогожский (775) и Изюмский (740). Всего – 5116 человек. Каждый полк имел свою особую форму. Общими для всех полков были синие черкески с откидными рукавами, а чекмень и шаровары в Харьковском полку были желтые, в Сумском – светло-синие, в Ахтырском – зеленые, в Изюмском – красные и в Острогожском – красно-оранжевые⁵². В походы они выступали «о дву конь». Вооружены были ружьями, саблями и пистолетами. К огнестрельному оружию на каждого полагалось 18 снаряженных патронов, 50 пуль, по 1 фунту пороха и по 10 кремней на 4 человека⁵³. На каждые 100 человек в особом ящике был запас по 3 фунта пороха, 80 пуль и 28 картечин⁵⁴.

Слобожане постепенно теряли свои боевые качества. Турки после двух недавних войн, Прутского похода 1711 года и войны 1735–1739 годов, считали слободские полки самыми плохими из остальных казачьих, и генерал-фельдмаршал Румянцев «также засвидетельствовал слабую боевую способность украинцев, но дисциплиною их он был доволен»⁵⁵.

В 1756 году вышел указ о формировании Слободского гусарского полка. «Людей для него следовало брать из бывших драгун и казацких семейств, кроме реестровых казаков... Служба в гусарах была непопулярна среди слобожан. Назначенные в гусары разбегались, прежде чем их успевали обмундировать»⁵⁶. В 1765 году полк ликвидировали.

На основании этих свидетельств военные исследователи XIX века пришли к заключению, что «по природным способностям украинцы, несомненно, уступали донским казакам»⁵⁷.

Кроме них, в Малороссии готовили еще 5 тысяч казаков «гетманского уряда», но вместо них взяли 10 тысяч малороссиян для офицерской прислуги⁵⁸. Гетманцы тоже постепенно

⁴⁸ Журналы Крымских походов... С. 66.

⁴⁹ Журналы Крымских походов... С. 65.

⁵⁰ Журналы Крымских походов... С. 209.

⁵¹ Ненахов Ю.Ю. Указ. соч. С. 191.

⁵² Масловский Д.Ф. Указ. соч. С. 181.

⁵³ Масловский Д.Ф. Указ. соч. С. 180.

⁵⁴ Масловский Д.Ф. Указ. соч. С. 181.

⁵⁵ Масловский Д.Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. Вып. 1. Поход Апраксина в Восточную Пруссию (1756–1757). М.: Типография окружного штаба, 1886. С. 49.

⁵⁶ Потрашков С.В. Харьковские полки. Три века истории. Харьков: Око, 1998. С. 31.

⁵⁷ Масловский Д.Ф. Указ. соч. С. 49.

⁵⁸ Масловский Д.Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. Вып. 1. Поход Апраксина в Восточную Пруссию (1756–1757).

деградировали. Еще во время похода на Крым в 1736 году в журнале боевых действий за 8 мая отмечено: «А гетманских от несостояния их многих не явилось, кои побиты или в полон взяты, или в дома ушли – не известно»⁵⁹. Их все чаще использовали как вспомогательную силу. Так, выстраивая войска в три шеренги, командование разворачивало четвертую шеренгу из драгун, «драгунам повелено было спешиватца, а для держания их лошадей в пятую шеренгу из мало-росийских казаков приданы были»⁶⁰.

Немецкие военные, ставшие историками (Архенгольц), боялись казаков и преувеличивали их численность в 10 раз. «Войска их состоят из 700 000 человек, способных к бою. Это, собственно говоря, пограничная милиция, и назначение ее состоит в том, чтобы защищать южную Россию от нападений татар и других диких народов. Одежда у них польская, но она вечно в ключьях; оружие их составляет изогнутая сабля, винтовка, пара пистолетов и пика длиною от 10 до 12 футов, снабженная острым железным наконечником. Они православны, говорят по-русски и имеют только одно сословие, почему все у них равны... Они... торгуют лошадьми, которые очень невелики, но крепки, выдрессированы и отличаются быстротой... У этой нации существует также воинская честь, вследствие чего ни один казак не потерпит палочных ударов, но безропотно выносит, как почетное наказание, удары кнутом»⁶¹.

Остальные иррегулярные части назывались «разнонародными командами» и состояли из калмыков, мешчеряков, башкир, ставропольских крещеных калмыков и казанских татар.

Особенно среди них отличались калмыки, которым П.А. Румянцев дал следующую характеристику: «Калмыцкое войско, подобное хищным татарам, нельзя удержать в порядке, и лучше не соединять его, соблазна ради, с армиею»⁶². Немецкий историк Архенгольц считал калмыков «самым диким врагом», писал, что они более походят на дикарей, чем на варваров, но отмечал: «Вооружены они луками и стрелами, которыми необыкновенно далеко и метко стреляют»⁶³.

Русский офицер А.Т. Болотов тоже дал калмыкам характеристику: «Что принадлежит до сих калмыков, то сии легкие наши войска имели мы тогда (в 1757 году. – А.В.) впервые еще случай увидеть и порядочно рассмотреть. Они нам показались весьма странны, а особливо, когда они разъезжали мимо нас полунагими и продавали плетеные свои плети, которые они превеликие мастера делать. Платье на них было по большей части легкое, красное суконное, но они его никогда порядочно не надевали. На любимое их обыкновение – есть падаль лошадиную и варение лошадиного стерва в котлах – не могли мы смотреть без отвращения. А видели мы также и их богослужение, производимое в круглом особом шатре. Несколько человек их духовных сидело, поджав по-татарски под себя ноги, вокруг шатра, и всякой из них бормотал, читая книжку, и в том едином состояло у них все богослужение. Впрочем, думали мы сперва о храбрости их весьма много, но после оказалось, что если б их и вовсе не было, так все равно, ибо они наделали нам только бесславие, а пользы принесли очень мало»⁶⁴.

Отличительной чертой иррегулярных частей были выносливость всадников и лошадей, навыки действий на любой местности, чем они превосходили регулярную кавалерию.

Кого ж мог противопоставить этим лихим воинам Фридрих II?

Приложения. М.: Типография окружного штаба, 1886. С. 132.

⁵⁹ Журналы Крымских походов российской армии... С. 59.

⁶⁰ Журналы Крымских походов российской армии... С. 60.

⁶¹ Архенгольц И.В. История Семилетней войны. М.: Аст, 2001. С. 85–86.

⁶² Масловский Д.Ф. Указ. соч. С. 179.

⁶³ Архенгольц И.В. Указ. соч. С. 85.

⁶⁴ http://az.lib.ru/b/bolotow_a_t/text_0080.shtml.

Армия Фридриха Великого

Прусская армия комплектовалась либо посредством найма, либо посредством насильственной вербовки. Служба в армии была пожизненной. С 1713 года король мог увольнять солдат из армии по своему усмотрению, а не по истечении определенного срока⁶⁵.

Прусская армия состояла в большинстве из завербованных иностранцев. До 50 % ее личного состава составляли подданные враждебных Пруссии государств. Процент насильно завербованных был тоже очень высок. «Офицеры принадлежали к дворянскому классу, а довольно большой процент солдат составляли добровольно завербовавшиеся подонки общества, бродяги, безработные и т. п.»⁶⁶. Больше половины солдат были старше 30 лет, встречались 50- и 60-летние солдаты⁶⁷.

Удержать такой контингент в порядке могла только жестокая палочная дисциплина. Командование добивалось, чтоб солдаты боялись палки капрала больше, чем пули противника. Раненые не имели права покидать строй до конца сражения, а сдача позиции без приказа грозила командиру батальона военным судом и расстрелом. Чем не знаменитый приказ № 227 от 28 июля 1942 года только в прусском варианте?

Прусская пехота не боялась штыкового боя и бросалась на штыки после огня с самой близкой дистанции.

В армии были введены легкие стрелковые части, «фрай батальоны» предназначались для поддержки легкой кавалерии, к партизанской войне на своей территории привлекалось местное население. Архенгольц считал, что 7 вольных батальонов Фридрих сформировал, «чтобы заменить недостаток в легкой кавалерии»⁶⁸.

В применяемой в то время всей Европой линейной тактике Фридрих II раз за разом разыгрывал прием Эпаминонда. Усиливал один из своих флангов и атаковал фланг противника с охватом его. Чтобы противостоять этому «косому» боевому порядку, достаточно было иметь сильный подвижный резерв, но у командующих европейскими армиями, растягивавших свои войска в длинные тонкие линии, до этого как-то руки не доходили.

Кавалерия Пруссии также состояла из завербованных иностранцев. Король требовал, чтоб иностранцы составляли от половины до двух третей в кавалерийских ротах и эскадронах. Пруссак в кавалерию подбирались только добровольно и из помещичьих семей. За дезертирство такого кавалериста отвечали его родственники. Дисциплина в кавалерийских частях была выше, чем в пехотных. К началу Семилетней войны прусская кавалерия достигала 35 тысяч человек.

Конский состав Европы – самой Пруссии, Польши, Молдавии, Венгрии – позволил подобрать рослых и сильных лошадей для кавалерии.

Кавалерия на 1740 год преимущественно была тяжелая – 12 кирасирских полков и 6 драгунских. При вступлении Фридриха на престол в армии было всего два гусарских полка, один в 6 эскадронов, другой – в три. В 1740 были созданы еще два гусарских полка, и по одному – в 1743-м, в 1745-м (из на вербованных босняков) и в 1758-м. Гусары носили форму венгерского образца, были вооружены саблями, парой пистолетов, карабином. Один из полков имел пики.

Фридрих принял на службу много венгров и поляков, которым поручил обучение гусар.

---

⁶⁵ Разин Е. История военного искусства с древнейших времен до Первой империалистической войны 1914–1918 гг. Ч. 2. М.: Воениздат, 1940. С. 389.

⁶⁶ Ненахов Ю.Ю. Указ. соч. С. 57.

⁶⁷ Разин Е. Указ. соч. С. 389.

⁶⁸ Архенгольц И.В. Указ. соч. С. 29.

«Первой его мерой было строго воспретить стрельбу с коня и действовать исключительно атакой карьером с холодным оружием в руках... Он обращал особенное внимание на сохранение полной сомкнутости и верного направления при движении на большие расстояния»⁶⁹. Одиночное обучение он сделал «только основанием для маневрирования и действия большими массами»⁷⁰. Предтечей Фридриха был известный полководец начала XVIII века Мориц Саксонский, который считал: «Эскадрон, который не может проскакать 2 тысяч шагов, не нарушив строя, не способен участвовать в боевых действиях»⁷¹.

Фридрих требовал, чтобы его кавалерия всегда атаковала сама и первой и не ждала, когда ее атакуют.

Прусская кавалерия атаковала на полной скорости, кирасиры обычно шли в первой линии, драгуны – во второй, гусары строились в колонны за второй линией и в ходе атаки, благодаря скорости своих лошадей и рассыпному строю, обгоняли свои первые две линии и охватывали фланги противника. «Каждый кавалерийский офицер обязан твердо зарубить себе в память, что для поражения неприятеля нужно только два дела: первое – атаковать его с наивысшей скоростью и силой, второе – охватить его фланги», – считал Фридрих II⁷².

В атаку кавалерия могла броситься с 1800 шагов. При сближении переходить на полный карьер, смыкаться тесно – колено к колену – без интервалом меж эскадронами первой линии и тем самым сметать противника, не доводя дело до рукопашной. К рукопашной прусское командование относилось настороженно. Как считал король, «в этом случае решает дело рядовой, а на него положиться нельзя»⁷³. Как показала последующая практика, в одиночном рукопашном бою на саблях пруссаки уступали «природным наездникам» – казакам и венгерским гусарам.

При преследовании конницей, считал Фридрих, надо было настигнуть голову бегущих, остальные, которые при этом будут обогнаны, и так станут добычей преследователей. Впрочем, Фридрих был уверен в профессионализме и инициативе своих кавалерийских офицеров: «Король приказывает всем командирам эскадронов: после первой атаки действовать по своему усмотрению...»⁷⁴ Командный состав довел свои навыки ведения конного боя до автоматизма. Генерал Цитен однажды сказал королю: «В ту минуту, когда я вижу противника, у меня уже готовы все распоряжения»⁷⁵.

Командир кавалерии Фридрих Вильгельм фон Зейдлиц сочетал талант полководца, смело и быстро маневрирующего и стремительно атакующего, и навыки индивидуального бойца: попадал из пистолета в подброшенный талер, мог на лошади спрыгнуть с моста в реку.

В целом считалось, что пруссаки создали универсальную конницу. «Хотя прусские кавалеристы и уступали так называемым природным всадникам (например, русским казакам и калмыкам или венгерским гусарам и пандурам) в индивидуальном наездническом мастерстве, но, рассматривая достижения прусской конницы в сравнении с регулярной кавалерией всех стран Европы, можно с уверенностью сказать: превзойти этот опыт не смог никто»⁷⁶.

В прусской армии была налажена транспортная система, а в городах – система магазинов для армии.

Слабым местом армии постепенно становилось пополнение ее за счет пленных. Как писал швед на прусской службе, генерал Гордт: «Мы взяли в наше войско много пленных австрий-

⁶⁹ Денисон Дж. История конницы. Кн. 1. М.: АСТ, 2001. С. 282–283.

⁷⁰ Денисон Дж. История конницы. Кн. 1. М.: АСТ, 2001. С. 292.

⁷¹ Саксонский Мориц. Указ. соч. С. 75.

⁷² Ненахов Ю.Ю. Указ. соч. С. 183.

⁷³ Ненахов Ю.Ю. Указ. соч. С. 181.

⁷⁴ Ненахов Ю.Ю. Указ. соч. С. 178.

⁷⁵ Денисон Дж. Указ. соч. С. 291.

⁷⁶ Ненахов Ю.Ю. Указ. соч. С. 173.

цев – частью силой, частью с их согласия»⁷⁷. Их количество рано или поздно должно было перерасти в качество.

---

⁷⁷ *Ненахов Ю.Ю.* Указ. соч. С. 768.

Подготовка к походу. Выступление. Концентрация у границы

Елизавета Петровна утвердила представленный ей 30 марта план войны и повелеть соизволила расположить войска так, чтоб их готовность венскому двору «ободрением» служила.

6 апреля Конференция приняла решение о концентрации войск на границе. 28 пехотных и 3 сведенные из гренадерских рот гренадерских полка должны были стать в Курляндии и около Риги по Двине. Кирасирские и гусарские полки выдвигались как вторая линия между Двиной и Псковом. Туда же направлялись четырехтысячная донская команда и Чугуевский полк. Своеобразным третьим эшелоном предполагались драгунские и создаваемые конно-гренадерские полки (всего – 9). Вместе с ними предполагалось держать еще одну четырехтысячную команду донских казаков под командованием бригадира Краснощекова и другие иррегулярные части – четыре тысячи слободских казаков бригадира Капниста, четыре тысячи волжских калмыков, две тысячи конных мешеряков и башкир и тысячу казанских татар. Калмыков хотели сначала призвать 8 тысяч, поскольку по опыту последней войны с Турцией и крымскими татарами, где калмыки очень отличились, «звание оных великое у неприятеля уважение имеет»⁷⁸. Но калмыков прибыли пока две тысячи под командованием майоров Гака и Суворова под общим руководством сына калмыцкого хана. Мешеряки, башкиры, ставропольские крещенные калмыки и казанские татары тоже выставили меньше, чем ожидалось, – по 500 всадников. Все эти иррегулярные формирования должны были явиться «о дву конь» и вместе с драгунами стоять от Чернигова до Смоленска таким образом, «чтоб регулярные полки не токмо способно комплектоваться, но и нерегулярные войски прикрывать и к воздержанию их от предерзостей служить могли»⁷⁹. Как видим, дисциплине казаков и «разнонародных команд» русское военное руководство не доверяло. А.А. Прозоровский в своих «Записках» перечислил «множество всякого рода легких нерегулярных войск, яко то казаков, татар, диких калмыков и протчих, каковы только есть звания в России», но сразу же отметил – «и набрано было их более надобности».

Всего в армии планировалось собрать 111 563 человека пехоты, артиллерии и конницы.

Еще три пехотных полка планировалось посадить в Ревеле на галеры и действовать с моря, туда же направить 500 донских казаков из четырехтысячной команды, которая стояла во втором эшелоне у Пскова.

Как видим, на войну с Пруссией привлекли половину служивых казаков Войска Донского. Нагрузка на войско, которое охраняло южные границы от Миуса и до Волги, довольно тяжелая. Поэтому три тысячи донских казаков, командированных год назад к Оренбургу, отпускались «в дома их, ибо и без того уже восемь тысяч человек их в наряде быть имеет»⁸⁰.

Дабы во время похода в немецкие земли «не зазрительно было худое, а особливо у калмык одеяние», велено было выдать каждому всаднику по четыре с половиною аршина сукна: калмыкам – красного, мешерякам и башкирам – зеленого, казанским татарам – синего⁸¹.

18 апреля Конференция здраво рассудила, что «наипаче удобны» беспокоить и в слабость приводить прусскую армию наши «легкие войска», а потому чем «больше легких войск употребится, толь более вреда и разорения неприятелю учинено будет». И хотя иррегулярных войск уже запланировали иметь 19 541 человека (строго по-уставному выходила именно эта

⁷⁸ Масловский Д.Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. Вып. 1. Поход Апраксина в Восточную Пруссию (1756–1757). М.: Типография окружного штаба, 1886. С. 51.

⁷⁹ Семилетняя война. Сборник документов... С. 45.

⁸⁰ Семилетняя война. Сборник документов... С. 49.

⁸¹ Семилетняя война. Сборник документов... С. 49.

цифра), дополнительно затребовали нарядить еще волжских калмыков четыре тысячи, слободских казаков тысячу, донских казаков тысячу, один кампанейский полк, «в тысяче ж человек состоящий», и «ежели можно человек до пятисот охотников из черкес»⁸². Военная нагрузка, таким образом, больше всего легла на слободские полки. В поход выступили 5/6 наличных всадников.

К войне готовились основательно: описывали весь фураж в Лифляндии, покупали верблюдов и наряжали поставку волов с Украины, готовили карты будущего театра военных действий. Долго разбирались, каким путем против Пруссии идти. Опыт был и в 1748-м, и 1749 году, когда русские ходили через Литву и Польшу на Краков и далее до Нюрнберга, дорога «в тогдашнее время по тем трактам инженерными офицерами чрез казаков веревкою обстоятельно была измерена»⁸³.

Готовились не только русские. Готовились французы и шведы, венгры и трансильванцы, валлонцы и хорваты. «Это было нашествие народов, вышедших отчасти из весьма отдаленных земель не для завоеваний, а скорее для того, чтобы грабить, убивать и разорять», – писал участник войны, немецкий историк фон Архенгольц⁸⁴.

Тем не менее в августе 1756 года пруссаки первыми напали на Саксонию и окружили ее армию у Пирны. Пока саксонцы сидели в окруженном лагере, Фридрих сразился у Ловозниц с идущими им на помощь австрийскими войсками и заставил их отступить. После 34-дневной осады 14-тысячная саксонская армия капитулировала. Отсиживаясь в осажденном лагере, саксонцы дали время австрийцам отойти в глубь Богемии. Кампания на этом закончилась. Саксонская армия была влита в прусскую. В саксонских полках командный состав сменили на прусский. Эти полки не отличались стойкостью и в последующем либо уходили в Польшу, либо переходили к французам. В целом же, как мы видим, в 1756 году крупных сражений было мало. Пруссак заняли Саксонию, но дальнейшее продвижение на юг застопорилось.

9 сентября в приготовленную русскую армию был назначен утвержденный царицей командный состав. Командующим армией стал генерал-фельдмаршал Степан Федорович Апраксин, о котором английский посланник Уильямс говорил: «Он никогда не видел врага и не имеет ни малейшего желания его видеть»⁸⁵. К. Валишевский прокомментировал это высказывание так: «Но это было уже, безусловно, преувеличено... Апраксин был при Минихе генерал-адъютантом и сохранил за собой этот пост, несмотря на свою лень и глупость»⁸⁶.

5 октября Конференция написала для Апраксина инструкцию, как вести войну с Пруссией, а Елизавета ее подписала. Инструкция состояла из 47 пунктов. Начиналась она констатацией, что прусский король напал на нейтральную Саксонию и объявил войну Австрии, и потому мы «необходимо принуждены» воевать, «не токмо по силе принятых с венским и дрезденским дворами обязательств... но и по существенному нашему интересу, дабы не допустить помянутые два союзные нам двора до великого упадку, а короля прусского до великого чрез то усиления»⁸⁷. Поскольку помогать австрийцам и саксонцам уже поздно, надо не спешить в Саксонию, а сделать сильную диверсию с польской и литовской стороны. Для этого Апраксину надлежало ехать в Ригу и собирать войска. Далее говорилось о необходимости «крепко подтвердить», чтоб уже собранные находились «в крайней к походу готовности, а легкие войска, ныне вновь из числа тех наряженные, кои с начала весны к походу назначены были, походом своим к определенному от вас месту сколько можно без изнурения однако ж лошадей поспе-

⁸² Семилетняя война. Сборник документов... С. 50.

⁸³ Семилетняя война. Сборник документов... С. 56.

⁸⁴ Архенгольц И.В. Указ. соч. С. 29.

⁸⁵ Валишевский К. Указ. соч. С. 178.

⁸⁶ Валишевский К. Указ. соч. С. 178–179.

⁸⁷ Семилетняя война. Сборник документов... С. 62.

шали б»⁸⁸. Войска надо было расположить так, «что для вас равно прямо ли на Пруссию или влево через всю Польшу в Силезию маршировать». Казаков касались три пункта этой инструкции: 15-й – «смотреть, дабы иррегулярные войска всегда под прикрытием регулярной конницы были, чтобы всякие беспорядки и своевольства, буде не совсем избегнуты, то по меньшей мере весьма сокращены и предупреждены были»⁸⁹; 34-й – «когда вы к прусским границам придете, то... стоя близко оных, время втуне упускаемо быть не имеет, и потому надлежит будущими при вас легкими войсками, подкрепляя оные по усмотрению надобности иногда несколькими регулярными, в прусские земли набеги делать, войска его тревожить и беспокойством изнурять»⁹⁰; 38-й – «легких войск в команду вашу больше назначено, нежели сколько нынешним летом вывести наряжено, вы имеете потому распоряжение сделать, чтобы оные уже будущей весною по первой траве, ежели то по вашему усмотрению надобно будет, в соединение к вам с прочею конницей притти могли. А наряженные в Украине пять тысяч человек казаков, каждый о дву конь, также по вашему рассмотрению и ордеру имеют употреблены быть, где и как вы сами за полезнее рассудите»⁹¹.

И еще одна примечательная статья – 29-я: «ежели кто в сражении пленен будет, то конечно живота лишится». Объяснялось это тем, что Фридрих пленных ставил в ряды своей армии. Но кто из прусской армии обратит и других с собой приведет, те «нашу милость и награждение получают»⁹². Так что сдача в плен приравнивалась к измене задолго до августа 1741 года.

Завершалась инструкция словами: «Одним словом, не будучи возможно ничего точно предписать, мы поручаем все вашему на месте лутче усмотрению и благоразумному рассуждению...»⁹³

Таким образом, в поход двинулись в октябре 1756 года, но воевать собирались «будущей весною по первой траве». Одних казаков держали под надзором, чтоб чего не натворили, других готовились пускать в набеги, а третьих ждали к армии только будущей весной. Очень уж громоздко все собиралось и начиналось.

17 ноября Апраксин писал Елизавете Петровне, что войска вступают в Курляндию и Лифляндию. Что касается казаков, то названы лишь Чугуевский полк и триста донских казаков, которые расположились в Курляндии в кантонир-квартирах около прусской границы. Некоторые пропали из поля зрения командующего – «от некоторых полков, а именно: Нарвского и Рязанского гренадерских конных, и Молдавского гусарского, и команды ставропольцев, и казанских татар, когда в поход выступили и где находятся, никаких рапортов в получении не имею»⁹⁴. Фельдмаршал опасался утомленности конского состава и потому собирался действовать осторожно – «сколько собрание конных войск и нынешнее годовое время позволит, малые движения чинены будут и ныне предусматриваю, что кажется возможно в Курляндию полков и донских казаков еще прибавить»⁹⁵.

Худо-бедно, но иррегулярные войска к границе приближались.

Таблица 1. Вооружение башкирской, мишарской и калмыцкой команд, направленных в 1756 г. в Лифляндию

⁸⁸ Семилетняя война. Сборник документов... С. 62.

⁸⁹ Семилетняя война. Сборник документов... С. 66.

⁹⁰ Семилетняя война. Сборник документов... С. 72.

⁹¹ Семилетняя война. Сборник документов... С. 73.

⁹² Семилетняя война. Сборник документов... С. 71.

⁹³ Семилетняя война. Сборник документов... С. 74.

⁹⁴ Семилетняя война. Сборник документов... С. 77.

⁹⁵ Семилетняя война. Сборник документов... С. 78.

Виды вооружения	Башкиры 506 человек	Мишари 506 человек	Калмыки 5 рот, 516 человек
Сабли	58 (11,4 %)	206 (40,7 %)	67 (12,9 %)
Панцири	27 (5,3 %)	—	—
Копья	119 (23,5 %)	246 (48,6 %)	504 (97,6 %)
Саадаки (луки)	494 (97,6 %)	431 (85,1 %)	192 (37,2 %)
Турки (ружья)	—	86 (16,9 %)	333 (64,5 %)

Вооружение башкир, мишарей, калмыков показано в таблице. Как из нее видно, лучше вооруженными были калмыки. Больше половины из них – 64,5 % – имели огнестрельное оружие, и лишь треть (37,2 %) была вооружена луками. А.А. Керсновский, считавший, что калмыки были вооружены исключительно луками, ошибался. Для ближнего боя 97,6 % калмыков имели копья, а 12,9 % – сабли. Таким образом, они могли участвовать как в перестрелках, так и в ближнем бою. Характер вооружения мишарей показывает возможность вести перестрелки (у 16,9 % в команде ружья, а у 85,1 % – луки) и участвовать в кавалерийских делах: 48,6 % имели копья, а 40,7 % – сабли, которых было вдвое больше, чем у башкир и калмыков, вместе взятых. Большое количество сабель у мишарей связано с их участием в подавлении только что прошедшего в 1755 г. в Башкирии восстания Батырши, многие из них имели трофейные сабли башкир-повстанцев либо выданные правительством старые армейские»⁹⁶.

В поданной на Рождество сводке значилось, что донская пятитысячная команда на исходе ноября прибыла в Нежинский малороссийский полк (территориальная административная единица), слободская пятитысячная команда 18 октября находилась в Чернигове, туда же в конце ноября прибыли казанские татары, а ставропольские калмыки переправились через Дон у станицы Казанской и 9 ноября были на марше в 491 версте от того же Чернигова. «Башкирцы и мешеряки где ныне находятца неизвестно, а от Уфы выступили 9 октября». Ну и обнадеживающе звучало, что «семисотная донская команда вступила в Курляндию 20 декабря»⁹⁷.

Как видим, конница рассредоточивалась вдоль границы (а границей был Днепр) так, что могла быть переброшена через польскую территорию и в Пруссию, и в Шлезию (Силезию). Но главные силы открыто собирались против Восточной Пруссии.

На 16 января в Курляндии находились 1000 донских казаков и 541 казак Чугуевского полка, в Лифляндии – 1000 донских казаков, из Смоленска на подходе – 2000 донских казаков, еще две колонны шли по территории Украины – Стародубская колонна, в которой было 5000 слободских казаков, и Черниговская, в которой 5000 донских казаков, и «четыре народных команды» из 2000 всадников⁹⁸.

2 января Апраксин собрал военный совет, который решил, что кавалерия пока «в надлежащую исправность не приведена» и надо подтягивать войска, а «наиспособнее признано» рассылать легкие партии по границе от Мемеля до Тильзита, неприятельские войска «обеспокаивать», а «наипаче жителей чрез то в величайший страх привести и оный в них, что дальше, то более вкоренять»⁹⁹.

Австрийцы настаивали, чтоб русские начали наступление немедленно. Фельдмаршал-лейтенант Буков приехал к Апраксину в Ригу и имел с ним несколько «конференций». Буков предупреждал, что лучше наступать через территорию Литвы зимой, пока болота замерзли, но Апраксин развернул перед ним расписание российских войск, где видно было

⁹⁶ Рахимов Р.Н. Национальная конница в русской армии. Опыт Семилетней войны//syw-cwg.narod.ru/bshk_syw.html

⁹⁷ Семилетняя война. Сборник документов... С. 80.

⁹⁸ Семилетняя война. Сборник документов... С. 86.

⁹⁹ Семилетняя война. Сборник документов... С. 81.

обилие у русских конницы, и Буков признал, что из-за прошлогоднего недорода в Литве коннице идти через эти земли будет трудно. Да и Апраксин не согласен был на зимний поход, чтоб «под небом на снегу дневать и ночевать». Австриец уехал ни с чем, а Апраксин собрал очередной военный совет¹⁰⁰

---

¹⁰⁰ Семилетняя война. Сборник документов... С. 83–84.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.